

негосударственного сектора экономики должны сыграть сами некоммерческие организации и драйвером их активизации могут стать Общественные палаты субъектов Российской Федерации.

Постепенное открытие бюджетного финансирования, возможность выбора гражданами поставщиков социальных услуг, развитие конкуренции — вот основные тренды реформирования социальной сферы в Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Сойфер Т.В. Экономическая деятельность некоммерческих организаций и ее гражданско-правовое обеспечение // Журнал российского права. 2016. N 1. С. 22-30.
2. Мерсиянова И.В. Влияние финансирования российских НКО на оценку их работы и экономического положения // Гражданское общество в России и за рубежом. 2013. N 3. С. 25-31.
3. Распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 №1662-р «О Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года» // СЗ РФ. 2008. №47. Ст. 5489.
4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013 "Послание Президента РФ Владимира Путина Федеральному Собранию" // Российская газета. №282. 13.12.2013.
5. В третий день Гайдаровского форума прошла пленарная дискуссия «Стратегическая инициатива государства — расширение доступа бизнеса в социальную сферу» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.gaidarforum.ru/ru/full>.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 "Послание Президента РФ Федеральному Собранию" // "Российская газета". №278. 05.12.2014.
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 "Послание Президента Российской Федерации" // "Российская газета", N 275, 04.12.2015.

ТРАНСПАРЕНТНОСТЬ СИСТЕМЫ ЭЛЕКТРОННОГО ГОЛОСОВАНИЯ НА ВЫБОРАХ

К.Ю. Матрёнина,
аспирант ИГиП ТюмГУ
kseniya.matr@yandex.ru

Научный руководитель:

Н.М. Добрынин,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры конституционного и
муниципального права ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук, доцент

Приемы учета волеизъявления граждан играют важную роль, значение которой не меньше, чем сам факт проведения выборов. Это обусловлено в первую очередь тем, что институт выборов имеет смысл лишь тогда, когда осуществляется объективная фиксация воли избирателей, формируются и реализуются надлежащие условия для изъятия этой воли

В настоящее время наблюдается явный и активный рост масштабов использования современных технологий в жизни как российского, так и мирового обществ. Указанное явление, бесспорно, является существенной особенностью современных процессов глобализации. Заметно влияние информационных технологий и на избирательный процесс, который уже сегодня обладает широким спектром применения новых информационных технологий: использование на всех стадиях государственной автоматизированной системы «Выборы» (далее — ГАС «Выборы»); применение на выборах комплексов обработки избирательных бюллетеней (далее — КОИБ) и комплексов для электронного голосования (далее — КЭГ); онлайн-опрос общественного мнения и т. д. [11; 208].

По мнению исследователей Павлушкина А. В. и Постникова А. Е. «фактическое доминирование одной политической партии в избирательном процессе ставит перед законодателем задачу принятия дополнительных мер, направленных на повышение доверия граждан к избирательной системе, повышение уровня их участия в выборах» [10; 5]. Как считает Авдеев Д. А. (канд. юрид. наук), в данном случае доминирование одной политической партии является «имитацией политического многообразия, выражающегося в фактической монопартийности» [1; 57]. Как справедливо критикует Лукьянова Е. А. «при провозглашении народовластия ... выборы за прошедшее время и законодательно, и на практике трансформировались таким образом, что реализация этого важнейшего политического права граждан превратилась в фикцию» [9; 5].

Следует подчеркнуть, что в последние годы наблюдается довольно низкий уровень электоральной активности, особенно среди молодежи, что, по нашему мнению, может привести к неблагоприятным социальным последствиям. Решение указанной проблемы нами связывается с альтернативными способами голосования, и, прежде всего, с электронным голосованием (далее — ЭГ).

Таким образом, ЭГ представляет собой новую, развивающуюся область избирательного процесса и, соответственно, очень актуальную.

Термин «электронное голосование» был введен в 1960-х гг. в США, где для голосования применялись специальные перфокарты, позволяющие компьютерной системе при помощи оптического сканирования считывать информацию о волеизъявлении избирателя [12; 238]. Антонов Я. В. (канд. юрид. наук) предлагает рассматривать ЭГ не только в узком смысле, но и в широком как «комплексное, информационно обусловленное направление электронной демократии...» [3; 75]. Мы солидарны с позицией Антонова Я. В., ведь ЭГ представляет собой не только процесс голосования с использованием современных технологий (в узком смысле), но и реализацию народовластия, выражение власти народа путем принятия важных для общества и государства решений посредством процедуры выборов. Кроме этого, ЭГ охватывает различные процедурные, организационные, технологические, правовые и экономические вопросы. Опыт использования средств ЭГ на

выборах показывает, что понятие «электронное голосование» содержит правовую оценку данного вида голосования, а также вопросы использования средств ЭГ не только на выборах в органы государственной власти и органы местного самоуправления, но и в рамках иных форм народовластия.

Выделим *этапы становления и развития ЭГ в мировой практике*.

1. В период с 1849 г. по 1949 г. активно развиваются идеи ЭГ. Постоянное стремление увеличить скорость передачи информации на большие расстояния, создать более надежный процесс ее передачи поспособствовало созданию телеграфа для электронного принятия решений (1849 г), дальнейшим усовершенствованием которого занимался немецкий ученый, изобретатель, инженер Вернер фон Сименс (*Werner von Siemens*) [19; 8]. В 1892 г. в США публично продемонстрирована механическая машина для голосования Джейкоба Майера (*Jacob H. Myer*), цель которой заключалась в обеспечении простого процесса голосования и гарантии тайного волеизъявления.

2. Период с 1950 г. по 1989 г.: первые шаги в применении средств ЭГ. В 1960 г. были разработаны первые компьютеры, подсчитывающие голоса, а также применены машины, использующие перфокарты (носитель информации, предназначенный для использования в системах автоматической обработки данных). В 1973 г. появились первые попытки и открытия в сфере оптического сканирования, а в 1984 г. в штате Иллинойс (США) началось тестирование системы подсчета голов [19; 9].

3. Период с 1990 г. 1999 г. — процесс активного становления ЭГ и введение Интернет-голосования в избирательную практику. В 1990 г. разрабатываются устройства с сенсорным экраном или клавиатурой для проведения голосования, а также Интернет-технологии. В 1995 г. Бельгия внедряет в национальный избирательный процесс голосование с помощью компьютера, в который вставляется магнитная карта; реализовано первое применение Интернет-голосование в США [19; 8]. Третьим государством, которое применило Интернет-голосование, была Франция, когда в 1999 г. семь городов протестировали технологию Интернет-голосования на выборах в Европейский парламент.

4. Период с 2000 г. по настоящее время. Эволюция технологий голосования приобретает в мировой практике широкий характер, а аккумулированный опыт позволяет говорить об установлении единых стандартов и требований к модернизации избирательного процесса. С каждым годом увеличивается количество государств, которые или только обсуждают систему электронного голосования (далее — СЭГ), или уже используют ее на своей территории. Так, в 2009 г. 47 государств обсуждали или уже использовали СЭГ, в 2011 г. — 108, в 2015 г. — 99. Отметим, что в 2015 г. государства перешли от обсуждений к разработке конкретных пилотных проектов по ЭГ.

Правовые основы использования средств ЭГ в Российской Федерации заложены в Федеральном законе Российской Федерации от 12 июня 2002 г. №67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (по состоянию на 05 апреля 2016 г.) [14] (далее — Федеральный закон №67-ФЗ), в нормативных актах Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (далее — ЦИК России). Так, в соответствии с Федеральным законом №67-ФЗ ЭГ — голосование без использования бюллетеня, изготовленного на бумажном носителе, с использованием комплекса средств автоматизации ГАС «Выборы» (пп. 62 ст. 2).

ЭГ имеет большое количество достоинств (повышение электоральной активности, скорость подведения итогов голосования, защита от фальсификации и прочее), но, к сожалению, существуют определенные риски при использовании современных технологий на выборах.

Рассмотрим один из них. Так, риск возникновения проблемы обеспечения прозрачности (транспарентности) ЭГ является основной проблемой данного вида голосования, ведь безопасность, надежность и прозрачность являются базовыми критериями оценки эффективности СЭГ. Более того, прозрачность является процедурным защитным механизмом при применении средств ЭГ. Полагаем, гарантия прозрачности не только определяет степень доверия избирателей к институту выборов, но и является камнем преткновения всей реформаторской деятельности, направленной на внедрение электронных технологий в избирательный процесс.

Проиллюстрируем проблему гарантии прозрачности избирательного процесса следующим примером. В 2006 г. на выборах в Нидерландах один из кандидатов получил на одном избирательном участке 181 голос, на остальных — 11 голов. Такая низкая корреляция привела к возникновению подозрений в надежности и безопасности СЭГ, тем более, что этот кандидат был работником избирательного участка, на котором он набрал большое количество голов, соответственно, имел доступ к СЭГ. К сожалению, отсутствовала возможность проверить систему на фальсификацию, т. к. техническая характеристика нидерландских машин для ЭГ не предусматривала возможность проверки и пересчета голов. Чтобы поддержать авторитет выборов, обеспечить доверие граждан к новой форме голосования, гарантировать легитимность итогов голосования, «окружной прокурор вызвал для дачи показаний всех избирателей, проголосовавших на данном избирательном участке. В результате выяснилось, что подозреваемый кандидат набрал незначительное число голов» [4; 52].

Следовательно, необходимо реализовывать мероприятия, направленные на то, чтобы избиратели осознавали принципы работы СЭГ, доверяли ей. Рекомендации R (2004) 11 Комитета Министров Совета Европы по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования (приняты Комитетом Министров 30 сентября 2004 г. на 898-ом заседании) (далее — Рекомендации Комитета Министров Совета Европы 2004 г.) [13] в п. 21 и п. 22 устанавливают, что сведения о работе СЭГ должны находиться в открытом доступе (в Интернете, ТВ, газеты, баннеры и т. д.); избирателям в обязательном порядке должна быть предоставлена возможность попрактиковаться в применении любого нового способа ЭГдо и отдельно от момента проведения ЭГ. Эти принципиальные пункты Рекомендаций Комитета Министров Совета Европы 2004 г. имеют для России особое значение. Солидарны с позицией исследователей Акимов Г. П., Попова А. К., Соловьева А. В. о необходимости разработки и реализации программы ЭГ, в которую включены мероприятия, связанные «с организацией просветительской работы с избирателями и широкого доступа к СЭГ для возможности тренировки и освоения техники» [2; 133], в целях «обеспечения эффективного осуществления политических прав» [17; 16].

Наблюдение за выборами не должно ограничиваться только днем их проведения, напротив оно должно включать период регистрации кандидатов и, при необходимости, избирателей, а также период проведения избирательной кампа-

нии. Наблюдение всегда должно разрешаться на этапе подсчета голосов (Кодекс надлежащей практики в сфере выборов 2002 г.) [18].

Считаем, для гарантии прозрачности электронных выборов любые наблюдатели должны иметь возможность присутствовать и наблюдать за голосованием для выработки своих замечаний по ЭГ, включая установление его результатов. Доступ наблюдателей к контролю проведения процедур проверки и голосования с помощью КОИБ и КЭГ осуществляется точно также, как и при ручном голосовании, но активность наблюдателей находится на достаточно низком уровне. Более того, как правило, наблюдатели заранее относятся к новой технике с недоверием. На наш взгляд просветительская работа, направленная на наблюдателей, организация семинаров и конференций поможет устранить указанную проблему.

В Эстонии все политические партии и аккредитованные наблюдатели обладают правом осуществлять контроль за функционированием СЭГ на каждом этапе, включая возможность ознакомления с документацией по системе дистанционного электронного голосования (далее — ДЭГ), исходными кодами программного обеспечения и т. п. Важная роль отводится наблюдателям и в период подсчета голосов. Более этого, Эстонская Республиканская избирательная комиссия перед выборами организует для наблюдателей серию обучающих курсов, целью которых является, прежде всего, «выяснение связанных с наблюдением за ЭГ проблем и ответы на возникающие вопросы» [7]. Таким образом, наблюдатели имеют возможность лично убедиться, что в СЭГ корректно отражаются итоги голосования. К большим преимуществам обучающих курсов относится бесплатное их проведение и неограниченный характер количества их участников. Что касается эстонских электронных выборов в 2014 г., то помимо участия в семинарах у наблюдателей была возможность пристального наблюдения за ходом процессов настройки СЭГ, которые проходили с 6 мая 2014 г. по 9 мая 2014 г.

К сожалению, в Российской Федерации никакого контроля со стороны наблюдателей за тем, кто имеет право шифровать и подписывать исходные данные для ключевых носителей при применении КОИБ, законодательство не установлено. Таким образом, возможно, стоит закрепить право наблюдателей проводить контроль за процессом шифрования и подписания исходных данных для ключевых носителей, чтобы подтвердить, что КОИБ является безопасным и защищенным средством голосования, ведь «присутствие наблюдателей ... может повысить авторитетность избирательного процесса для государств, в которых проводятся выборы» (п. 8 Документа Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) от 29 июня 1990 г.) [5].

Отметим, что ГАС «Выборы» является достаточно прозрачной и, при этом, безопасной. Так, сведения из ГАС «Выборы» находятся в открытом доступе, вместе с тем система, как и информация в ней, защищены.

Кроме этого, для обеспечения прозрачности избирательного процесса на сайте избирательной комиссии субъекта РФ Интернет-портала размещаются данные о предварительных итогах голосования на различных выборах. В большинстве случаев данные о предварительных итогах голосования размещаются на сайте комиссии по мере их введения в ГАС «Выборы», но не позднее чем через одни сутки после окончания голосования (например, данные о предварительных итогах голосования и сводная таблица предварительных итогов голосования по единому избирательному округу на выборах депутатов законодательного (представительного) органа государственной власти субъекта России). Некоторые данные о предварительных итогах голосования размещаются на сайте, на наш взгляд, слишком поздно. Так, например, данные о предварительных итогах голосования и сводная таблица предварительных итогов голосования по одномандатным (многомандатным) избирательным округам на выборах депутатов представительного органа муниципальных района и городского округа, внутригородской территории города федерального значения размещается в Интернете в течение двух суток после окончания голосования.

Полагаем, что для обеспечения прозрачности избирательного процесса, повышения уровня доверия избирателей к выборам, а также для устранения риска фальсификации результатов голосования на выборах, необходимо внести изменения в избирательное законодательство России в части установления промежутков времени для размещения на сайте избирательной комиссии субъекта РФ предварительных итогов голосования на выборах. Так, предложено размещать указанные сведения не позднее 12 часов 00 минут, не позднее 15 часов 00 минут и 18 часов 00 минут по местному времени. При этом, с целью защиты прав еще не проголосовавших избирателей предложено разрешить доступ к данным предварительным итогам голосования ограниченному количеству лиц, а именно членам участковых избирательных комиссий и вышестоящих комиссий, а также работникам их аппаратов; кандидату, его уполномоченному представителю по финансовым вопросам или доверенному лицу; уполномоченному представителю или доверенному лицу избирательного объединения; списку кандидатов или кандидату из указанного списка; наблюдателям и иностранным (международным) наблюдателям.

Указанные изменения необходимо внести в подпункты 4.5.19, 4.5.21, 4.5.58, 4.5.64, в первый абзац подпункта 4.5.34, во второй абзац подпункта 4.5.34, во второй абзац подпункта 4.5.42, в первый абзац подпункта 4.5.42, в первый абзац подпункта 4.5.44, во второй абзац подпункта 4.5.44 Постановления ЦИК России от 25 мая 2011 г. №12/130-6 «О порядке размещения данных Государственной автоматизированной системы РФ «Выборы» в сети «Интернет» (по состоянию на 30 июля 2014 г.) [15]. Кроме этого, в Постановление ЦИК России от 25 мая 2011 г. №12/130-6 необходимо добавить подпункты 4.5.65 и 4.5.66, устанавливающие такие же промежутки времени для размещения предварительных итогов голосования на сайтах региональных избирательных комиссий и в отношении выборов Президента Российской Федерации и выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации.

Однако стоит отметить, что указанные изменения целесообразно внести только после введения стопроцентного электронного голосования на территории России. Например, когда КОИБ будет применяться на всех избирательных участках.

Итак, с одной стороны, реализация электронной системы голосования направлена на защиту прав участников выборов и референдума, модернизацию избирательной системы и действенную реализацию гражданами своих избирательных прав, однако с другой стороны, не соответствующим образом исследованная, разработанная и введенная СЭГ может всё вышесказанное разрушить. Учитывая изложенное, не подвергается сомнению необходимость «поэтапного внедрения средств электронного голосования в избирательный процесс» [6; 51]. Поэтапность внедрения связана и с необходимостью повышения правовой культуры и правосознания граждан, т. к. «ценности широких социальных слоев, сформировав-

шиеся в условиях действий прежней правовой системы, сохраняют инертность и не подлежат быстрому изменению» [8; 319]. Развитие конституционного государства должно сопровождаться, по словам профессора Чеботарева Г. Н., «формированием новой ментальности российского общества, опирающегося на лучшие достижения отечественной и мировой цивилизации» [16; 23].

Стоит отметить, что определенные шаги в направлении создания идеальной СЭГ можно предпринять, а именно:

Во-первых, внедрению ЭГ должно предшествовать целостное планирование данного проекта, включая, техническое и экономическое обоснования, анализ, системное тестирование и прочее. Комплексный и системный анализ процесса ЭГ будет способствовать предотвращению серьезных проблем.

Во-вторых, необходим обмен знаниями среди практиков в указанной области, а также постоянная профессиональная подготовка и образование членов избирательных комиссий, а также других лиц, вовлеченных в проекты по ЭГ.

В-третьих, удаленное ЭГ (например, Интернет-голосование) требует более близкой интеграции с другими электронными услугами, чтобы была возможность адаптировать СЭГ к целевой пользовательской аудитории.

В-четвертых, детальная законодательная регламентация вопросов ЭГ и наличие сертификации СЭГ, возможно, смогут повысить уровень доверия избирателей. Стоит отметить, что комплексная сертификация должна проходить по единым централизованным стандартам, а в отношении ЭГ должны действовать общегосударственные законодательные акты. Также с целью повышения доверия среди населения к средствам ЭГ, немаловажным аспектом является проведение обучающих семинаров для избирателей перед проведением выборов и референдумов.

В-пятых, оборудование для проведения электронных выборов необходимо тестировать.

В-шестых, персонал, обслуживающий электронные средства голосования, должен иметь соответствующую квалификацию, постоянно повышать ее и неуклонно соблюдать правила на всех этапах подготовки и обработки бюллетеней.

В-седьмых, при подготовке бюллетеней и разработке устройств для голосования необходимо учитывать, прежде всего, интересы граждан, которые не должны испытывать затруднений при выборе кандидата, ведь народ является единственным источником власти.

При эффективном и полноценном выполнении вышеуказанных рекомендаций электронные выборы будут честными и прозрачными, при этом непринципиально какие технические устройства будут применены — КОИБ, КЭГ или средства ДЭГ.

Полагаем, что ЭГ является перспективным направлением избирательного процесса, который способен при комплексном и глубоком анализе СЭГ, разумном применении современных технологий, создании систем эффективного контроля и надлежащей гарантированной защиты обеспечить другой механизм голосования, отличающийся качественно новым уровнем удобства, скорости, прозрачности и безопасности. Действительно, массовый процесс автоматизации является новым курсом в организации системы голосования как условия модернизации избирательной системы, новым шагом технологического совершенствования избирательного процесса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдеев, Д. А. Республиканский монархизм или конституционализация российской формы правления / Д. А. Авдеев // Вестник Тюменского государственного университета. — 2014. — №3. — С. 54-62.
2. Акимов, Г. П., Попов, А. К., Соловьев, А. В. Аналитическое исследование систем для электронного голосования / Г. П. Акимов, А. К. Попов, А. В. Соловьев // Труды ИСА РАН, 2007. — Т. 29. — С. 123-138.
3. Антонов, Я. В. Электронное голосование в системе электронной демократии: конституционно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02 / Антонов Ярослав Валерьевич. — Москва, 2015. — 231 с.
4. Антонов, Я. В., Овчинников, В. А. Международный опыт электронного голосования / Я. В. Антонов, В. А. Овчинников // Сборник конкурсных работ в области избирательного права и избирательного процесса, повышения правовой и политической культуры избирателей (участников референдума), организаторов выборов, участников избирательных кампаний, выполненных студентами и аспирантами высших учебных заведений (юридических вузов и факультетов, правовых кафедр) Российской Федерации в 2010/2011 учебном году. — М.: РЦОИТ, 2011. — С. 43-60.
5. Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ) от 29 июня 1990 г. [Электронный ресурс]. — Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». — (дата обращения: 20.11.2015).
6. Павлушкин, А. В., Постников, А. Е. Правовой механизм дистанционного электронного голосования (анализ возможной модели) / А. В. Павлушкин, А. Е. Постников // Журнал российского права. — 2009. — №11. — С. 5-13.
7. Павлютенкова, М. Ю., Чернышова Т. М. Информационно-коммуникационные технологии в избирательном процессе России / М. Ю. Павлютенкова, Т. М. Чернышова // Pro pinc. Современные политические процессы. — 2006. — Т. 4. — №1. — С. 204-224.
8. Пескова, О. Ю., Половко, И. Ю., Фатеева, С. В. Обзор подходов к организации электронного голосования / О. Ю. Пескова, И. Ю. Половко, С. В. Фатеева // Известия Южного федерального университета. Технические науки. — 2014. — №2 (151). — С. 237-247.
9. Рекомендации R (2004) 11 Комитета Министров Совета Европы по правовым, организационным и техническим стандартам электронного голосования (приняты Комитетом Министров 30 сентября 2004 г. на 898-ом заседании) [Электронный ресурс]. — URL: <http://idemocracy.ru/projects/стандарты/45-e-voting-rec2004-11.html> — (дата обращения: 06.10.2013).
10. Российская Федерация. Законы. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : [федер. закон : принят Гос. Думой 14 октября 2014 г.: по состоянию на 03 ноября 2015 г.] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — №24. — Ст. 2253.
11. Российская Федерация. Постановления. О порядке размещения данных Государственной автоматизированной системы РФ «Выборы» в сети «Интернет»: Постановление Центральной Избирательной комиссии Российской Федерации от 25 мая 2011 г. №12/130-6: по состоянию на 30 июля 2014 г. // Вестник Центризбиркома Российской Федерации. — 2011. — №8.

12. Binder C., Mazmanyan A., Vulchanov N. Review of electoral legislation and practice in OSCE participating states / C. Binder, A. Mazmanyan, N. Vulchanov. — Warsaw, 2013. — 59 p.
13. European Commission for Democracy through Law (Venice Commission). Code of good practice in electoral matters CDL-AD (2002) 23 (Adopted by the Venice Commission at its 51st and 52nd sessions (Venice, 5-6 July and 18-19 October 2002) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.e-democracy.md/files/elections/local_2007/venetia-good-practice-en.pdf. 33 p. — (дата обращения: 10.02.2014).

КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА КОНСТИТУЦИОННЫМ СУДОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Р.Е. Карасев,
аспирант ИГиП ТюмГУ
Научный руководитель:
Н. М. Добрынин,
Заслуженный юрист Российской Федерации,
профессор кафедры конституционного и
муниципального права ИГиП ТюмГУ,
доктор юридических наук, доцент

Защита прав и свобод человека, и гражданина являются одной из основных целей Конституционного Суда Российской Федерации. Для объективной оценки результатов деятельности органа судебного конституционного контроля, направленной на достижение указанной цели, а также дальнейшего ее совершенствования необходимо руководствоваться соответствующими критериями.

В этой связи представляется целесообразным определить критерии эффективности осуществления правозащитной функции Конституционного Суда исходя из самого понятия эффективности и сопоставления сущности данного термина со спецификой деятельности органа конституционного контроля при реализации его полномочий в сфере обеспечения и защиты прав и свобод человека и гражданина.

В этой связи согласимся с мнением В. В. Лазарева, который отмечает, что «полная эффективность правоприменительного акта достигается тогда, когда все его цели — и ближайшие, и отдаленные, и конечные, выполнены с наименьшим ущербом для различных социальных ценностей, с наименьшими экономическими затратами, в наиболее короткий срок» [1; 98].

Конституционный Суд Российской Федерации в своих постановлениях часто связывает понятие эффективности судебной власти с эффективностью восстановления в правах и эффективностью судебной защиты. При этом восстановление в правах можно назвать одной из задач деятельности судов, а защиту прав и свобод человека и гражданина — одной из целей.

В одном из постановлений Конституционный Суд указал, что право на судебную защиту предполагает конкретные гарантии эффективного восстановления в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости [2].

Также Суд указал, что «право на судебную защиту включает в себя не только право на обращение в суд, но и гарантированную государством возможность получения реальной судебной защиты, предполагает конкретные гарантии, которые позволяли бы реализовать его в полном объеме, обеспечить эффективное восстановление в правах посредством правосудия, отвечающего требованиям справедливости; одним из важных факторов, определяющих эффективность восстановления нарушенных прав, является своевременность защиты прав участвующих в деле лиц» [3]. Суд также отмечает, что конституционные гарантии судебной защиты могут быть достигнуты «при эффективном, а не формальном контроле суда» [4].

В юриспруденции существует значительное количество подходов к определению критериев эффективности деятельности судебной власти, однако отсутствуют критерии эффективности осуществления правозащитной функции органом конституционного контроля.

Некоторые исследователи подразделяют критерии эффективности судопроизводства на две группы: 1) законность, обоснованность и справедливость каждого вынесенного решения (приговора) суда; своевременное рассмотрение дел; качество составления процессуальных документов (решений, приговоров, постановлений, определений) судьей (критерий качества); 2) служебная нагрузка судей в соотношении с оптимальной; время, затрачиваемое на рассмотрение одного дела в отношении с объективно необходимым; подбор и расстановка судебных кадров; стимулирование труда судей; техническая оснащенность судебных помещений и др. (организационный критерий) [5; 12].

Другие исследователи предлагают следующие критерии эффективности судопроизводства: 1) вынесение судами обоснованных и законных решений; 2) обеспечение судами прав лиц, участвующих в гражданских делах; 3) обеспечение судами других социально полезных результатов, указанных в законе; 4) достижение результата с минимальными социальными издержками [6; 154].

С точки зрения социальной эффективности судопроизводства Н. А. Колоколов указывает на следующие критерии эффективности правосудия общей социальной направленности: 1) способность судов гарантировать соблюдение принципа социальной справедливости при рассмотрении подавляющего большинства разрешаемых ими дел; 2) способность судов регулярно обеспечивать нарастающий позитивный результат в сфере разрешения социальных конфликтов; 3) соотносимость уровней производительности труда в российских судах с мировыми стандартами [7; 151].

Основываясь на функциях судебной власти, Л. Н. Гаврикова называет следующие критерии эффективности судопроизводства в сфере обеспечения прав и свобод человека и гражданина: 1) способность обеспечивать права и свободы человека и гражданина, утверждать законность и правопорядок во всех сферах общественной и политической жизни (пра-